

4. Ивин А.А. Теория аргументации. – М.: Гардарики, 2000. – 416 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
7. Херп Р.Н. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 16. – С. 183–195.
8. ФЭС Философский энциклопедический словарь / под. ред. Л.Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
9. Christie 3 Christie A. Why didn't they ask Evans? – М.: Высшая школа, 1991. – 175 p.

Е.Ю. Юрченкова, Н.В. Полякова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томский государственный педагогический университет*

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИИ ПО ВРЕМЕНИ ПРОИЗРАСТАНИЯ)⁴

Целью настоящего исследования является сопоставление механизмов реализации когнитивной стратегии номинации (КСН) растений по времени их произрастания в русском и немецком языках. В качестве материала привлекаются русские и немецкие диалектные отзоонимные фитонимы (наименования растений, образованные от наименований животных).

Если под когнитивной стратегией понимаются «закономерности выбора способов решения задач познания для достижения определённых целей» [7, с. 63], то КСН можно определить как мыслительную операцию по выявлению признака объекта, наиболее релевантного в ситуации именованного, иначе, когнитивного признака (КП) объекта [6, с. 16–17; 14, S. 246], и выбору подходящих средств языковой репрезентации КП. Механизм реализации КСН напрямую зависит от прагматических факторов, воздействующих на сознание именуемого субъекта в момент номинации, а также от объёма и характера его концептуальных и языковых знаний [5, с. 38]. Целью реализации КСН является создание коммуникативно необходимой языковой единицы [10, с. 52]; применительно к номинации объектов растительного мира – создание наименования растения или фитонима.

---

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-34-01226 а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».

Любая КСН включает совокупность качественно однородных КП и валидных для их выражения языковых способов и моделей номинации. В качестве примера рассмотрим КСН растений по времени их произрастания. Анализ русских и немецких отзоонимных фитонимов показывает, что диалектоносители реализуют данную КСН в случаях, если совпадают:

- 1) жизненный цикл растения и временной цикл животного и
- 2) жизненный цикл растения и временная символика, которую животное несет в народной культуре.

В первом случае метонимическая связь между растением и животным устанавливается, исходя из практического опыта, приобретённого в ходе наблюдений за окружающим миром. Например, чистотел (*Chelidonium majus* L.), который расцветает с прилётом ласточек и увядает с их отлётом [3, с. 216–217; 12 (VII), S. 1392], получает в русских и немецких диалектах названия том. *ласточкина трава*, в.-нем. *Schwalbenkraut* букв. ‘ласточкина трава’. Яровая рожь обозначается новгор., пск. *овыдня*, т. к. в период её цветения оводы откладывают свои личинки под кожу коров и лошадей [9 (XXII), с. 300].

Через отождествление с первыми весенними животными диалектоносители отражают начало жизненного цикла различных весенних растений. Так, в среднерусских говорах безвременник (*Colchicum bulbocodium* subsp. *versicolor* (Ker Gawl.) K. Perss.) именуется сред.-рус. *гадючий просорень* букв. ‘змеиный подснежник’, т. к. он прорастает, когда змеи выползают из нор после зимней спячки. Аналогичный КП вербализован в северонемецком наименовании белоцветника (*Leucojum vernum* L.) – остф. *Schlangenkraut* букв. ‘змеиная трава’ [13, S. 184].

Наименования многих раннецветущих растений в диалектах русского и немецкого языков образованы от наименований птиц, прилетающих с наступлением весны. Так, в немецких диалектах отмечаются фитонимы, содержащие наименования жаворонков, чёрных дроздов, чибисов, аистов, журавлей. Например, первоцвет (*Primula farinosa* L.) именуется юж.-нем. *Lerchenblümlein* букв. ‘цветочек жаворонка’, подснежник (*Galanthus nivalis* L.) – швейц. *Amsele-Blueme* букв. ‘цветок чёрного дрозда’, живучка (*Ajuga reptans* L.) – шлезвиг. *Kiwittsblom* букв. ‘цветок чибиса’ и т. д.

Определение наступления весны и подходящего времени для некоторых бытовых занятий и полевых работ может связываться в народной культуре с началом пения или размером птиц. В первую очередь, речь идёт о пении кукушки, что подтверждают народные приметы рус. *Кукушка колосом подавилась* [9 (XVI), с. 48], рус. *Когда кукушка закукует, надо, чтобы семена уже засеяны были* [2, с. 235], нем. *Der frühling*

beginnt, wann der gouch guket ‘Весна наступит, когда кукушка закукует’ [12 (V), S. 710–711] и т. п.

Различные растения, вегетативные циклы которых совпадают со временем кукования кукушки, получают в диалектах обоих языков соответствующие отзоонимные наименования. Носители южно-русских говоров именуют ранние сорта горошка юж.-рус. *зозульчин голосок* (*Vicia pisiformis* L.). Немецкие диалектоносители связывают с пением кукушки начало сбора и употребления в пищу кислицы (*Oxalis acetosella* L.) [12 (VII), S. 959–960] – юж.-нем. *Gauchklee* букв. ‘кукушкин клевер’.

В немецкой народной культуре пение кукушки также знаменует наступление времени, когда исчезает необходимость надевать тёплую обувь и перчатки [11, S. 327]. Таким образом, отдельные части некоторых весенних растений отождествляются с одеждой для этой птицы. Например, в баварском диалекте соцветия горечавки (*Gentiana acaulis* L.) получили названия сред.-бав. *Gugguhandschuhe* букв. ‘кукушкины перчатки’ и юж.-бав. *Guggaschuah* букв. ‘кукушкин башмак’.

По размеру птиц в южных регионах Германии определяли качество всходов на полях. Всходы считались хорошими и обещали богатый урожай, если в день Святого Марка (25 апреля) их высота была достаточной, чтобы скрыть присевшую на поле ворону [12 (V), S. 365–366]. «Вороньи» названия получили также некоторые луговые и лесные цветы, например, первоцвет (*Primula auricula* L.) – юж.-нем. *Kraobloama* букв. ‘вороний цветок’.

Во втором случае растения ассоциируются с определёнными животными вследствие совпадения их жизненных циклов с символикой, которой данные животные наделены в народной культуре. Анализ материала показывает, что подобная временная связь отражена исключительно в наименованиях первых весенних растений. Русские и немецкие диалектоносители отождествляют их с двумя животными – с зайцем и кукушкой.

Весенняя символика зайца в русской народной культуре объясняется плодовитостью этого животного. В загадках, сказках, приметах, песнях заяц наделяется эротической мужской символикой и упоминается в качестве атрибута свадебных обрядов [8, с. 284–286]. Например, в загадке *Заяшка беленький, полежи на мне; хоть тебе трудно, да мне хорошо* подразумевается снег, лежащий на озимом хлебе [8, с. 285]. Подобной символикой объясняются отзоонимные наименования похожего на мак адониса (*Adonis vernalis* L.) – оренбург. *заячий мак*, и манжетки (*Alchemilla xanthochlora* Rothm.), имеющей круглые складчатые листья – рус. *заячье пальтишко*.

Весенняя символика зайца в немецкой народной культуре мотивирована не только его плодовитостью, но и тесной связью с религиозными обрядами. Так, особая масленичная выпечка носит название нем. *Hasenohren* букв. ‘заячьи уши’; Пасха называется нем. *Hasadag* букв. ‘заячий день’, поскольку в этот день пасхальный заяц – нем. *Osterhase* – приносит детям яйца [12 (III), S. 1524]. Среди растений, в наименованиях которых немецкие диалектоносители вербализуют указанную символику, выделяются калужница (*Caltha palustris* L.) – ниж.-алеман. *Hasenmaie* букв. ‘заячий цветок’, и гиацинтоидес (*Hyacinthoides non-scripta* (L.) Chouard ex Rothm.) – в.-нем. *Hasenglöckchen* букв. ‘заячий колокольчик’.

Весенняя символика кукушки связана не только с ранним пением этой птицы. В русской народной культуре кукушка фигурирует в ряде весенних сельскохозяйственных примет, например, рус. *Если кукушка впервые на зелёном дереве закукует, то год будет урожайный* [1, с. 321] и т. п.; кукла-кукушка выступает в качестве атрибута любовного обряда встречи весны – «крещение и похороны кукушки» [4, с. 136–137] и т. д. Таким образом, растения, первыми появляющиеся в лесу / поле с наступлением весны, стали отождествляться именно с данной птицей. Например, на Камчатке это триллиум (*Trillium erectum* L.): камч. *кукушкины тамарки*, в Сибири – венерин башмачок (*Cypripedium calceolus* L., *C. guttatum* Sw.): том. *кукушкин рукомойничек*, в южных регионах – ятрышники (*Orchis* L.): гродн. *зезюлин подарок*, могилев. *зязюлька*, и т. д.

В немецкой народной культуре кукушка не только считается вестником весны [12 (V), S. 710–711], но и наделяется эротической символикой, которая прослеживается в ряде идиом. Например, свадебный танец именуется нем. *Kuckuckstanz* букв. ‘кукушкин танец’, скабрёзные эротические песни – нем. *Gauchlieder* букв. ‘кукушкины песни’, кукушкой – нем. *Kuckuck* – называют женщину лёгкого поведения [12 (V), S. 740–746] и т. п. Таким образом, среди весенних растений «кукушкины» названия, в первую очередь, получают именно те, которым ввиду раннего появления приписывались свойства афродизиаков [12 (IV), S. 1555–1564]. Например, лесные орхидеи ятрышники (*Orchis* L.) именуется в.-нем. *Kuckucks-Orchis* букв. ‘кукушкина орхидея’, цюрих. *Guggü-Blume* букв. ‘кукушкин цветок’.

В южных регионах Германии и в Швейцарии первым весенним цветам приписывались не только полезные, но и вредоносные свойства. В частности, считалось, что вдыхание их запаха может способствовать появлению веснушек [12 (III), S. 160] – юж.-нем. *Guckerschecken* букв. ‘кукушкины крапинки’. Среди прочих, к таким растениям диалектоносители отнесли ветреницу (*Anemone* L.), что объясняет происхождение фитонимов швейц. *Guggückerli* букв. ‘кукушечка’, юж.-бав. *Gugerscheckerl* букв. ‘кукушкины крапинки’.

Кроме зайца и кукушки, весенние растения отождествляются немецкими диалектоносителями с козой как символом плодородия [12 (IX), S. 899]. В качестве примеров следует упомянуть северо-немецкое название ветреницы (*Anemone nemorosa* L.) – остф. *Zegenblume* букв. ‘козий цветок’, и южно-немецкое название подснежника (*Galanthus nivalis* L.) – юж.-нем. *Geisglöggli* букв. ‘козий колокольчик’.

Проведённое исследование позволяет утверждать о наличии существенного сходства в механизмах реализации КСН растений по времени их произрастания в диалектах русского и немецкого языков. Русские и немецкие диалектоносители не только отождествляют именуемые растения по сходным признакам со сходными животными (змея, заяц) и птицами (кукушка, ласточка), но и используют для вербализации ментальных образов данных растений аналогичные способ (метонимический перенос) и модели номинации. Отличия, выявленные в ходе анализа, объясняются влиянием культурных прагматических факторов. Если русские диалектоносители ассоциируют жизненные циклы растений с временными циклами насекомых (овод), то немецкие – усматривают временную связь, прежде всего, между растениями и птицами (жаворонок, чёрный дрозд, чибис, аист, журавль, ворона), а также между растениями и некоторыми животными (коза). Таким образом, преимущественное совпадение вербализуемых КП позволяет признать КСН растений по времени их произрастания тождественной в диалектах русского и немецкого языков.

Список сокращений

букв. – буквально, в.-нем. – верхненемецкий, гродн. – гродненский, камч. – камчатский, могилев. – могилевский, нем. – немецкий, ниж.-алеман. – нижнеалеманнский, новгор. – новгородский, оренбург. – оренбургский, остф. – остфальский, пск. – псковский, пфальц. – пфальцкий, рус. – русский, сред.-бав. – среднебаварский, сред.-рус. – среднерусский, том. – томский, цюрих. – цюрихский, швейц. – швейцарский, шлезвиг. – шлезвигский, юж.-бав. – южно-баварский, юж.-нем. – южно-немецкий, юж.-рус. – южно-русский

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. III. – М.: Академический Проспект, 2013. – 363 с.
2. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. – Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья славяне», 1995. – 560 с.
3. Дубровина С.Ю. «Ласточкина трава» в славянских этнокультурных представлениях // Славянские языки и культуры в современном мире. – М., 2009. – С. 216–217.

4. Дубровина С.Ю. Кукушкины слёзки // Русская речь. – 1990. – Вып. 4. – С. 135–140.
5. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
6. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
7. Павлов Д.Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – Вып. 2. – С. 62–64.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого: В 5 т. Т. II. – М.: Международные отношения, 1999. – 697 с.
9. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой: В 47 т. Т. XVI. – Л.: Наука, 1980. – 376 с.; Т. XXII. – Л.: Наука, 1987. – 368 с.
10. Хапаева Л.В. Когнитивные и прагматические стратегии именованя единиц флоры: на материале карачаево-балкарского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2016. – 173 с.
11. Bartsch K. Sagen, Märchen und Gebräuche aus Mecklenburg. Zweiter Band. Nachdr. der ersten Aufl., Wien: Braumüller, 1879/80. – Berlin: Hofenberg, 2013. – 808 S.
12. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / hrsg. unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen von H. Bächtold-Stäubli: In 9 Band. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co. Verlag. Bd. III, 1930/31. 1920 S.; Bd. IV, 1931/32. 1584 S.; Bd. V, 1932/33. 1872 S.; Bd. VII, 1935/36. 1712 S.; Bd. IX, 1938/41. 1138 S.
13. Marzell H. Die Tiere in deutschen Pflanzennamen: Ein botanischer Beitrag zur deutschen Sprachschätze. – Heidelberg: C. Winters Universitätsbuchhandlung, 1913. – 235 S.
14. Sauerhoff F. Pflanzennamen im Vergleich: Studien zur Benennungstheorie und Etymologie // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte, Heft 113 / hrsg. von Joachim Göschel. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. – 432 S.

И.И. Афанасьев, Н.А. Качалов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

THE USAGE OF SCIENTIFIC-TECHNICAL TEXTS IN THE ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Nowadays the main feature of higher education becomes its humanitarian-personality orientation, when a special place is allocated to the form of personal value – semantic formations and moral – cultural growth of